Дашиева Н. Б. Генеалогический миф бурят племени Хори : календарь и обряд / Н. Б. Дашиева // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 363—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379.

Dashieva N. B. (2021). Genealogical Myth of the Buryats of the Hori Tribe: Calendar and Ritual. *Nauchnyi dialog*, 3: 363-379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379

Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд

Дашиева Надежда Базаржаповна

orcid.org/0000-0002-3652-2535

доктор исторических наук, профессор,
dashieva-n@yandex.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

(Улан-Удэ, Россия)

Genealogical Myth of the Buryats of the Hori Tribe: Calendar and Ritual

Nadezhda B. Dashieva

orcid.org/0000-0002-3652-2535

Doctor of History, Professor,
dashieva-n@yandex.ru

East-Siberian State Institute of Culture

(Ulan-Ude, Russia)

© Дашиева Н. Б., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Сюжет генеалогического мифа бурят племени Хори исследован как историко-культурный источник, отражающий идеологические установки, также бывшие историческим фактом. Установлено, что миф о происхождении хори-бурят представляет собой сюжет ареального космогонического мифа. Утверждается, что историко-генетическая и культурно-семантическая интерпретация основных событий мифа при отождествлении со сведениями археологических, исторических, этнографических, фольклорных и лингвистических источников позволяет увидеть в сюжете мифа культ солнца, обусловленный им тип календаря солнечного года и модель календарных обрядов ранних кочевников степей Центральной Азии. Выявлено, что на северный берег Байкала сюжет мифа попал с носителями культуры плиточных могил — этнических предков тюрко-монгольских народов с индоиранскими космологическими представлениями, выраженными в календаре, календарных праздниках, календарной обрядности и календарной культуре в целом. Доказано, что основные события мифа отражены в наскальных рисунках бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала. Показано, что сюжет генеалогического мифа хори-бурят выступает как текст культуры, являющийся средством сохранения информации о картине мира, который в традиционной культуре племени контролировался обрядом. Отмечается, что историко-культурные истоки мифа восходят к археологической скифо-сибирской культуре железного века (VI—III века до н. э.).

Ключевые слова:

генеалогический миф; племя Хори; птица-лебедь; культ солнца; календарь; обряд; Байкал.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The plot of the genealogical myth of the Buryats of the Khorí tribe is studied in the article as a historical and cultural source reflecting ideological attitudes, which were also a historical fact. It has been established that the myth about the origin of the Khorí-Buryats is the plot of the areal cosmogonic myth. It is stated that the historical-genetic and cultural-semantic interpretation of the main events of the myth, when identified with information from archaeological, historical, ethnographic, folklore and linguistic sources, makes it possible to see in the plot of the myth the cult of the sun, the type of calendar of the solar year caused by it and the model of calendar rites of the early nomads of the steppes of Central Asia. It was revealed that the plot of the myth came to the northern shore of Lake Baikal with the carriers of the culture of tiled graves — the ethnic ancestors of the Turkic-Mongol peoples with Indo-Iranian cosmological ideas expressed in the calendar, calendar holidays, calendar rituals and calendar culture in general. It is proved that the main events of the myth are reflected in the rock paintings of the Sagan-Zaba Bay on the northern coast of Lake Baikal. It is shown that the plot of the genealogical myth of the Khorí-Buryats acts as a text of culture, which is a means of preserving information about the picture of the world, which in the traditional culture of the tribe was controlled by a rite. It is noted that the historical and cultural origins of the myth go back to the archaeological Scythian-Siberian culture of the Iron Age (VI—III centuries BC).

Key words:

genealogical myth; the Hori tribe; swan bird; sun worship; the calendar; rite; Baikal.

Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд

© Дашиева Н. Б., 2021

1. Введение

В бурятоведении миф, повествующий о происхождении племени Хори от брака молодого охотника и небесной девы-лебедя, используется в качестве исторического источника, отражающего вопросы начального этапа этнической истории племени, определения территории, с которой связаны его этнокультурные истоки, выявления через образы мифологических прародителей этнических общностей, участвовавших в его этногенезе.

Миф хори-бурят нельзя рассматривать как этногонический, в полном смысле этого слова, типологически и содержательно с ним сходен сюжет о происхождении бурятского племени Хонгодор и рода Шошолок. В ойратском мифе отцом первого цороса называется охотник, а матерью дева-лебедь, представительница мира небесных божеств (*тэнгри*), спустившаяся на высокую гору, чтобы искупаться в озере [Михайлов, 1983, с. 100—101]. Родословную олетских князей ведут от дочери Неба Хормуста-тенгри, представлявшейся в образе лебедя. Баяты на северо-западе Монголии почитали лебедя как свою прародительницу [Эрдэнэболд, 2012, с. 9, 73]. В прошлом у некоторых родов баргутов совершался обряд поклонения лебедю молодой невесткой, когда она впервые входила в дом [Галзут, 2008, с. 112]. Культурное отношение к лебедю как тотему со стороны материнского рода проявляется в традициях телеутов преподносить в подарок убитого лебедя дяде по линии матери, если мужчина сватал его дочь [Потапов, 1959, с. 20—22].

Тема «солнечная птица-лебедь — мать-прародительница хоринских родов», рассмотренная в публикациях Г. Н. Румянцева, Ц. Б. Цыдендамбаева, Г. Р. Галдановой, Д. С. Дугарова и других исследователей, получила логическое развитие в исследованиях Б. Р. Зориктуева. В результате сравнительного анализа сюжетов генеалогического мифа хоринцев, хонгодоров и рода Шошолок, тувинского рода Куулар, исторических и современных тюркских племен автор сделал важный для нашей работы вывод о формировании тотемного культа лебедя у данных этнических сообществ в связи с территорией Алтая, телескими племенами начала н. э. [Зориктуев, 2018, с. 129—130]; сюжет-основа разных вариантов мифа хори-бурят был воспринят ими от тюрков в местности Цайдам, расположенной в китайской провинции Цинхай; становление оказавшихся в составе монголоязычных

хоринцев тюркских лебединых родов: хуасай, хубдуг, хальбин (хангин), шарайт (шарят) — относится к Саяно-Алтаю и смежным с ним районам Северо-Западной Монголии [Зориктуев, 2020, с. 18].

Ареал распространения сюжета и соллярная природа образа хоринской праматери дает возможность исследования мифа с применением методологических установок, предложенных Ю. В. Кнорозовым, к интерпретации легендарной истории племени как к источнику, отражающему «не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки», «также бывшие реальным историческим фактом» [Кнорозов, 1999, с. 210].

Настоящая статья посвящена историко-культурной интерпретации сюжета генеалогического мифа бурятского племени Хори как сюжета календарного мифа, основные события которого отражены в содержании наскальных рисунков бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в бурятоведении сюжет генеалогического мифа племени Хори интерпретируется как историко-культурный источник, отражающий культ солнца, обусловленный им тип календаря и модель календарных обрядов, тесно связанных с типом хозяйства его носителей.

Результаты исследования могут представлять интерес для истории культуры не только бурят, но и ряда тюрко-монгольских этнических общностей, у которых бытуют версии этого сюжета.

2. Структура, функции и календарная семантика хоринского мифа

Согласно распространенному варианту генеалогического мифа бурятского племени Хори, молодой охотник Хоредой, живший на острове Ольхон, увидел спустившихся на берег Байкала трех лебедей. Сняв свои лебяжьи одежды, птицы превратились в девушек и стали купаться в озере. Пленившись их красотой, юноша взял украдкой одежду и украшения одной из них. Девушки вышли из воды, две вновь превратившись в птиц, улетели на небо. Одна же, не найдя своей одежды, осталась на земле и вышла замуж за Хоредоя. У них родились одиннадцать сыновей, ставших основателями одиннадцати хоринских родов.

Хоредой и его жена состарились. Однажды старуха сказала старику: «Я стала старой, родила одиннадцать детей и сейчас куда я уйду от них. Отдай мою прежнюю одежду и украшения, перед смертью хочу покрасоваться». Старик, подумав, исполнил ее просьбу, старуха же, надев свою девичью одежду и украшения, превратилась в лебедя и взлетела к дымоходу. Старик попытался поймать ее за ноги, но неудачно. Хоринские буряты считают: предок их лебедь, береза — коновязь. Соблюдая старинные обычаи, брызгают молочной водкой в момент прилета и отлета лебедей [Ломбоцыренов, 1995, с. 103—104].

По другому варианту мифа, события происходят на озере Садамтын-Саган-нур. Т. М. Михайлов и Б. Р. Зориктуев название легендарного для хоринцев озера возводят к покрытой белой солончаковой солью обширной местности Цайдам [Михайлов, 1983, с. 122; Зориктуев, 2020, с. 12]. Здесь жена Хоредоя называется Хобоши-Хатун, дочь Шара-Хасар-тэнгэри. Когда Хобоши-Хатун вылетела через дымовое отверстие юрты, одна из ее дочерей перегоняла на огне очага молочную водку. Заметив, что мать улетает, дочь пыталась схватить лебедя за ноги и от ее грязных рук они стали черными. Лебедь, покружившись над юртой, проговорила своей семье: «Вы земные жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину». Затем добавила: «Весной и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!» Потом Хобоши-Хатун благословила своих детей и улетела на небо [Румянцев, 1962, с. 150—151]. Таков же сюжет мифа о происхождении родов Галзут, Шарят (Шарайт) и Хангин (Хальбин), входящих в группу старших родов племени Хори [Хангалов, 1958, с. 405—406; Балдаев, 2019, с. 302].

В сюжете хоринского мифа представлена трехчленная по вертикали индоевропейская картина мира. Охотник от стихии воды — семантически пространственного «низа» — приводит солнечную деву в свое жилище — прообраз среднего мира. Сакральным центром жилища выступает огонь очага, выполняющий функции установления связи с верхним миром. Проведя в среднем мире один временной цикл жизни человека, дева-лебедь улетает в верхний мир, маркированный открытым дымоходом. В горизонтальной модели мира направления юг и север, откуда сезонно прилетают и улетают птицы, выступают в качестве пространственного маркера временного кода весны и осени.

В календарном осмыслении мифа время, выраженное образом солнечной птицы, в течение одного солнечного года претерпевает три фазы своего состояния, соотнесенного с тремя периодами жизни человека. В начале года время предстает в образе юной девушки, в своем наивысшем развитии — женщины-матери, а в стадии завершения — седой старухи, за которым следует ее преобразование в изначальный образ птицы-лебедя и уход в небесный мир. Но таинство исчезновения, тот перерыв в профанической длительности, когда времени нет, в сознании носителей данного типа календаря — необходимое условие для его нового появления в земном мире. Это событие обеспечивают, приуроченные ко времени сезонных прилетов и отлетов лебедей коллективные обряды, совершаемые с кроплением молока и молочных напитков. Целью же обрядовых действий являлось стремление людей поддерживать незыблемость ритма движения времени в течение солнечного года, следовательно, циклично развивающегося ритма жизни общества, природы и мира в целом.

Мотив брака отца-основателя и матери-прародительницы племени, отражающий идею начала творения нового мира, новой жизни — акта, совершающегося в новогоднем празднике с целью вызова плодородия, как в природе, так и человеческом обществе, указывает на дату осеннего равноденствия. В фольклоре бурят семантическая связь этой знаменательной календарной даты с мифологемой «брак» представлена названием праздника «Великий день» (*Ехэ удэр*), характеризуемого поговоркой: «В равенстве осеннего дня и ночи нового года начало, в равенстве мужчины и женщины — нового счастья начало» (*Намарай удэр-хунин тэгшээд шэнэ жэ-лай эхин, эрэ-эмын тэгшээд шэнэ жаргалай эхин*) [Манжигеев, 1978, с. 49].

Третья календарная дата в хоринском мифе проявляется имплицитно через мотив вылета лебедицы через открытое отверстие дымохода, когда в него светило солнце, а в очаге горел огонь. В таком положении солнце находится в период своего наивысшего состояния в годовом движении, соответствующий дню летнего солнцестояния. По традиционным представлениям бурят, в этот день происходило соединение огня небесного с земным огнем.

Во всех вариантах хоринского мифа устойчиво сохраняется указание на смену типа хозяйства отца-основателя племени Хори, родов Галзут и Шарайт. В завязке сюжета это молодые охотники, а в его финале — старики, перегоняющие на огне домашнего очага молочную водку *тарасун*. Занятие отца-основателя племени в момент, когда жена-лебедь улетает в верхний мир, указывает на его статус как родового старейшины — руководителя сезонных обрядов, совершаемых с подношением в жертву светлым солнечным божествам молочных напитков. Такие люди у бурят-шаманистов называются «стариками» (*убэгэд*), что указывает на их «предковость», а не шаманами.

В свете положения, согласно которому тотем в древнем обществе сопутствовал материнскому роду, а название тотема становилось названием рода, возникает вопрос о значении корня *-хор-* в генониме *Хори*. В тексте шаманского призывания духов-предков, записанного Ц. Жамцарано у хоринских родов, проживавших в Кударинской степи на южном берегу Байкала, мать-прародительница отца-основателя племени «под собственным именем» называется «Шомшор Большая госпожа» «с прозвищем Ухэтэ Госпожа-мать» [Жамцарано 2001, с. 161].

Бурятское слово *шомшор*, описывающее чрезмерно выпяченные губы, вкупе с эпитетом *ухэтэ* ‘волосатая’, являющимся табуированным названием богини, имеет параллель в обрядово-ритуальных текстах тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Сибири. В этих текстах через волосы богини в образе оленя (= языки пламени, лучи) раскрывается ее связь с огнем и солнцем [Дашиева, 2015, с. 146—147 и др.].

Словесное описание мифологической матери-прародительницы отца-основателя племени Хори свидетельствует, что изначально структурообразующим центром социальной общины с этнонимом Хори выступала тотемическая группа с культом оленя-матери с иранским названием *хор* ('солнце'). Изображения оленей с длинными вытянутыми губами, с загнутыми и обращенными назад головами, имеющими развесистые рога, концы которых туго закручивались, характерны для скифо-сибирского изобразительного искусства «звериного стиля», а каменные плиты, покрытые такими рисунками, в литературе известны как «оленные камни» [Окладников, 1976, с. 356]. Исторически культ оленя, «звериный стиль» и «оленные камни» связаны с кочевыми ираноязычными скотоводческими племенами Западной и Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая эпохи ранней бронзы [Новгородова, 1989, с. 173—174].

Култ оленя-солнца выявляется и в имени отца девы-лебеди как Шара-Хасар-тэнгэри в варианте мифа, события которого происходят на озере Садамтын Саган и в мифе старших хоринских родов Галзут и Шарайт. В прямом переводе с бурятского языка оно осмысливается как «Желтая-Щека-тэнгэри» [Хангалов, 1958, с. 405]. Между тем часть «Хасар» в структуре данного теонима представляет собой стяжение слов *хас* и *ар*, каждое из которых лексически и семантически связано с понятием «солнце». В бурятском языке лексема *хас* в сочетании с *тамга* ('печать', 'клеймо') означает свастический знак [Черемисов, 1951, с. 560], осмысливаемый как символ солнца. Одна из его разновидностей в виде трехлучевого спиралевидного узора, известного в орнаментике бурят Предбайкалья под названием *арбагай* ('ветвистый'), выступает в качестве графического символа оленя — тотема ираноязычных народов сако-скифского этнокультурного круга [Павлов и др., 2009]. Эта связь прослеживается через эвфемистическое обозначение оленя *saka* как «рогатого» (метафорически: 'ветвистого') — тотема восточных иранцев-саков (*saka* — 'скиф') [Абаев, 1949 (1), с. 49, 179; Гамкрелидзе и др., 1984, с. 518—519].

В бурятском языке от корня *ар* образуются термины культовой лексики со значениями 'чистый, ясный, светлый, священный' [Черемисов, 1951, с. 68]. В указанных значениях *ар* в структуре теонима Хасар обладает общностью со словом *аар* в составе имени высшего божества пантеона якутов *ҮрҮн Аар-тойона* ('Белый Великий-господин'), представляющего собой персонификацию солнца, а его супруга носит имя *Хубай-хатун* ('Лебедь-госпожа'). Лексически и семантически имя якутского божества имеет близость с *арья* — эпитетом богов в ведах [Сидоров, 1997, с. 121—122].

В свете изложенного имя небесного божества *Шара Хасар-тэнгэри*, являющегося табуированным названием солнца, представляется как 'Желтый Священный олень'.

Контекстную связь с культом солнца проявляет и название рода *Галзут*. Общепринятая в бурятоведении интерпретация данного генонима возводит его происхождение к эпитету *бешеные, яростные* (бур. *галзуу*) с показателем множественности *т*, характерным для монгольских языков, заменившему название родового тотема. Г. Н. Румянцев за данным эпитетом видит образ жеребца, отличавшегося бешеным нравом и быстротой [Румянцев, 1962, с. 190]. Ц. Б. Цыдендамбаев, соглашаясь с гипотезой относительно указания на тотемность эпитета, в роли тотема предполагает яростную, или бешеную, собаку [Цыдендамбаев, 2001, с. 146—147].

Иной подход к интерпретации генонима *Галзут* предлагает Т. Д. Скрынникова: «... значения слова *галзуу* могут быть денотатами солнца (*гал* — огонь), что является архетипом», следовательно, *Галзут* может означать ‘народ, обладающий бешеным (яростным) солнцем’, ‘солнечный народ’. В обоснование своего подхода исследовательница приводит значения форманта *яр* в русской лексике в определениях солнца как *ярый, Ярило*, включающих такие значения, как ‘горячий’, ‘огненный’, ‘сердитый’, ‘свирепый’, ‘бешеный’, имеющие лексическую и семантическую связь с календарем солнечного года [Скрынникова, 2009, с. 20].

В поддержку этимологии генонима *Галзут* в его контекстной связи с солнцем приведем опыт этимологизации А. Кастреном названия месяца *гани*, соответствующего периоду июнь-июль в народном календаре монголов и бурят, в связи с «яростным», «бешеным» солнцем, месяцем «сильной», «безумной», «бешеной» жары, вызывающей засуху (*ган*) [Цолоо, 1994, с. 37].

В шаманском пантеоне бурят Предбайкалья к светлым солнечным божествам относилась группа под названием «сайтинские боги» (*сайтани бурхад*). К сайтинским бурханам, живущим в великолепных сияющих дворцах у озера Садамтын Саган, в числе которых обитают Хоредой и его супруга-лебедь, приходят после смерти белые шаманы. Там они поступают в услужение великим своим богам, входят в число их свиты [Хангалов, 1958, с. 391]. У балаганских бурят к сайтинским богам относились и духи-хозяева водных глубин с общим названием *Ухан-хат* (‘Цари вод’). В жертву им приносили *тарасун* [Там же, с. 343—345].

О происхождении названия *сайтинские боги*, отнесенные в шаманском пантеоне населения долины правого притока Ангары р. Куды к категории божеств «чистых», «светлых», существует предположение, что оно связано с господством монголов в Китае и их изгнанием оттуда и имеет монголо-ойратское происхождение [Михайлов, 1983, с. 121, 124].

На наш взгляд, *сайтинские* как общее название категории светлых, добродетельных для людей небесных богов фонетически и содержательно сближается с частью *ксай* в именах сыновей первого царя скифской мифо-

логии Таргитая. Их имена *Липоксай*, *Арпоксай* и *Колоксай*, в первой части означающие соответственно ‘гора’, ‘глубь’ и ‘солнце’, вкупе с иранским элементом *ксай* со значением ‘царь, владыка’ [Раевский, 1992, с. 446, 447], выступают как коды трехчастной по вертикали индоевропейской картины мира. Фонетический вариант элемента *ксай* в форме *хшайта* — эпитета первых царей иранской мифологии — означал такие понятия, как «сияющий», «властвующий». Носителем его был и сын солнечного героя, сам подобный солнцу, *Йима*, создавший по велению и с помощью *Ахурамазды* прекрасную благодную обитель у горы Высокой Хары (Хара Березайти) и моря Воурукуша [Бонгард-Левин и др., 1983, с. 64]. Архетипом представлений кудинских бурят-шаманистов о месте нахождения светлых сайтинских божеств Хоредоя и его супруги-лебедицы, вероятно, явилось описание этой чудесной обители.

3. Хоринский миф и петроглифы бухты Саган-Заба на Байкале

В историко-культурном срезе графическую иллюстрацию к сюжету хоринского мифа представляют петроглифы бухты Саган-Заба на северном берегу Байкала. В нашей современности эти рисунки почитаются бурятами-шаманистами как вместилища небесных божеств и духов. Население окрестных сел здесь ежегодно устраивает свои сезонные родовые праздники с обрядами жертвоприношений молочной пищи и домашних животных духам-хозяевам писаной скалы, известным под названием *тайлган*. Полное описание наскальных рисунков с обстоятельным анализом вклада их первооткрывателей и исследователей представлено в книге А. П. Окладников «Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири» [Окладников, 1974]. Автор указывает, что впервые они были описаны и зарисованы в 1881 году Н. Н. Агапитовым, который выделил на поверхности скалы 5 отдельных групп, представляющих собой «довольно цельную картину из жизни народа, оставившего о себе такую память» [Там же, с. 11].

Выделив в одну группу оленей, выполненных в характерной для скифо-сибирской изобразительной традиции «звериного стиля» с подогнутыми в прыжке ногами и широко раскинутыми на голове рогами, ученый датирует эти рисунки половиной I тыс. до н. э. [Там же, с. 77]. Происхождение же элементов «звериного стиля» на петроглифах Байкала, обнаруживающих сходство с оленями на бронзе тагарской культуры и «отчасти с фигурами благородных оленей на оленных камнях Забайкалья», он соотносит с населением плиточных могил, проникших на остров Ольхон и северный берег Байкала из степей Забайкалья и Монголии [Там же, с. 77; 111—112].

В группе рисунков со скифскими оленями находятся семь фигур птиц, похожих на гусей или лебедей, расположенных вертикально одна над дру-

гой. В их изображениях А. П. Окладников видит «переключку» с образом птицы-лебедя в сюжете генеалогического мифа бурят о предке хоринцев Хоридой или Хоридой-мэргэне, сочетавшемся браком на берегу Байкала с небесной девой-лебедом. В книге приводятся несколько вариантов хоринского мифа-легенды [Там же, с. 29; 88—91].

Последовательное сопоставление событий, составляющих сюжет хоринского мифа, с рисунками петроглифов Саган-Заба и календарными традициями исторических ираноязычных и тюрко-монгольских народов Центральной Азии и местного бурятского населения конца XIX — начала XX веков, выявляет ряд совпадений в их содержании. Так, сопряженность идеи начала нового года, семантически соотнесенного в хоринском мифе с мотивом «брак отца-основателя и матери-прародительницы племени», переключается с рисунком, который А. П. Окладников назвал «изображение коитуса» [Там же, с. 26]. О празднике монголоязычных сяньби (хоров) «Вэйшу» сообщает: «В последнем весеннем месяце собираются при реке Жао-лэ (Шара-Мурень); и когда кончается пиршество, то соединяются браком». И далее: «Подобные праздники известны у хунну под названием “сюй”» [Бичурин, 1950, с. 142].

Короткие рожки на голове одного из двух участников сцены «коитус» указывают на связь его образа с многочисленными антропоморфными мужскими фигурами, изображенными на петроглифах Саган-Заба. Имеющийся в руках одного из них какой-то стержень, напоминающий боевой топор или секиру [Окладников, 1974, с. 26, 72], позволяет сопоставлять данные фигуры с образами индоевропейских по истокам светлых солнечных божеств эпохи бронзы, наделенных функциями громовника. У бурят Приольхонья преемственность с их образами можно видеть в молитвенной просьбе шаманов, обращенной к духу-хозяину бухты Саган-Заба, «спуститься молнией», стать бурханом с престолом между гор [Там же, с. 19].

С мифологическим мотивом «рождение потомства девой-лебедицей» переключается рисунок, охарактеризованный А. П. Окладниковым как «Один из самых необычных на скале Саган-Заба». «Вверху, справа выбита фигура птицы (гусь или лебедь) с длинной шеей и массивным туловищем. Птица стоит на одной ноге. К птице протянута рука антропоморфного существа, которое как бы держит птицу рукой за грудь. У этой антропоморфной фигуры грушевидная большая голова, широкое туловище с раздутым животом, напоминающим живот беременной женщины. Ноги широко расставлены и согнуты в коленях. Эта поза напоминает позу женщины, рожавшей сидя, как это было принято у некоторых народов Сибири»; туловище фигуры заканчивается внизу треугольным выступом, возможно, показывающим, что младенец появляется на свет из чрева матери [Там же, с. 29—30, с. 30 (рис. 10, табл. 15)].

В календарном осмыслении рисунок можно интерпретировать как графическое воплощение идеи рождения нового Солнце-года из чрева матери-природительницы, солярная природа которой в графике выражена образом птицы-лебедя. Свидетельством устойчивости художественного приема, посредством которого передана календарная семантика образа «роженицы» в культуре бурят, выступает графический символ оленя-матери — солнца, рождающей оленя-дитя — солнце, заменивший у хоринцев Забайкалья на лунном календаре китайского образца знак месяца дракона (май-июнь) [Дашиева, 2015, с. 152—153]. Временной период длительностью в девять месяцев, отсчитываемый со дня осеннего равноденствия, с которым мы соотносим рисунок «Коитус» на петроглифах Саган-Заба и графический символ рождения Солнце-года на деревянном календаре хоринцев (май-июнь), совпадает с периодом вынашивания человеческого дитя и плода у оленей.

Графический образ представлений о жилище как модели Вселенной, выявляемых в сюжете хоринского мифа, можно видеть в рисунке, описанном автором как «сложная ажурная фигура из косых полос, заканчивающихся вверху короткими стержнями-лучами, сохранившаяся только в верхней своей части. Фигура напоминает сооружение в виде шатра или чума» [Окладников, 1974, с. 30 (рис. 10, табл. 15)]. В конце XIX — начале XX веков балаганские буряты-булагаты в весенних обрядах, проводимых в мае, строили балаган из досок (*урса*). В него сажали пожилую пару из потомков младшего сына отца-основателя племени, их угощали разнообразными молочными блюдами, просили у них счастья и благословения [Балдаев, 1970, с. 89].

С занятием старика Хоредоя в день, когда жена в образе солнечной птицы улетает в верхний мир, можно сопоставить обычай бурят Предбайкалья отправляясь к изображениям бухты Саган-Заба и соседней с ней бухты Ая, специально гнать *тарасун*, чтобы совершить ритуальное подношение [Хангалов, 1958, с. 345, 352].

На историко-культурные истоки образов птиц на скалах бухты Саган-Заба как лебедей указывает их вертикальное расположение одна над другой. Аналогии этому приему представлены на высоком головном уборе молодой женщины из захоронения с плато Укок на Алтае в виде вертикально одна над другой прикрепленных пятнадцати деревянных фигурок лебедей и двух оленей, один из которых находится на острие шапки, а второй стоит на золотом шаре на ее тулье. На запястье женщины, принадлежащей к европеоидному компоненту в пазырынской культуре, изображена голова оленя с большими рогами [Полосьмак, 1999, с. 36—41].

Семантическую функцию войлочных фигурок лебедей, набитых оленьей шерстью, найденных при раскопках Пятого Пазырыцкого кургана

среди деталей погребальной повозки, П. П. Азбелев объясняет представлениями об их способности проникать в разные миры [Азбелев, 2019]. В традиционной культуре хори-бурят эти воззрения выражались в ритуале женщин, которые кропили молоком при весенней встрече и осенних провах лебедей.

4. Заключение

Отражение космологической концепции в мифе бурятского племени Хори представляет его не как генеалогический, обоснованный декларированием тотемических верований, ставших основой орнито-зооморфных образов, а как космогонический миф, описывающий пространственно-временные параметры мира. Космогоническая суть мифа в его сюжете проявляется через мотив брака отца-основателя и матери-прародительницы племени, имена которых являются персонификацией солнца (*хор* — иранское и *кун* — тюркское).

В обоснованной сюжетом мифа картине мира, имеющей индоевропейские историко-культурные истоки, пространство и время представлены как взаимообусловленные категории, образующие семантические ряды «верхний мир — будущее время», «средний мир — настоящее время», «нижний мир — прошедшее время». В горизонтальной проекции трехчастной по вертикали модели мира две противоположные стороны света — юг и север — образуют два противопоставленных семантических ряда: «юг — верх — будущее время» и «север — низ — прошедшее время», «средний мир — земная жизнь — настоящее время».

Представления о движении времени в течение календарного года, начало которого отсчитывалось со дня осеннего равноденствия, в мифе соотношенного с представлениями о начале племенного сообщества, выражено орнито-антропоморфной метаморфозой образа и пространственного перемещения матери-прародительницы племени. В этой системе календаря образ солнечной птицы соединяет три состояния времени: прошлое, настоящее и будущее, — соответствующих трем сферам пространственной вертикальной проекции индоевропейской картины мира.

Смена образа мифологической матери-прародительницы и ее перемещение в пространстве образуют семантические ряды: «нижний мир — прошедшее время — птица-лебедь», «средний мир — настоящее время — человек», «верхний мир — будущее время — птица-лебедь». С этими координатами соотношены и сезонные календарные ритуалы, обеспечивающие природную и социальную упорядоченность. В мифологическом сознании сезонные прилеты и отлеты лебедей воспринимались как реплика первособытия, весенние ритуалы кропления молоком прилетающим пти-

цам воспринимались как встреча спустившейся из верхнего мира к своим потомкам — жителям среднего мира — небесной матери-прародительницы племени — переход от сезона холодов к сезону тепла. Осенние ритуалы проводов матери-прародительницы воспринимались как ее возвращение в сакральный верхний мир, в календарном значении — наступление длительного сезона холодов.

Иранский по происхождению культ лебедя и космогоническая суть образов звериного стиля позволяют увидеть в сюжете хоринского мифа культ солнца, обусловленный им тип календаря солнечного года и модель календарных обрядов скотоводческих народов лесостепной и степной зоны.

Сопоставление персонажей и ключевых событий мифа с сюжетами наскальной графики бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала, с памятниками культуры Забайкалья, Западной Монголии, Алтая и Тувы относит его историко-культурные истоки к археологической скифо-сибирской культуре.

Источники и принятые сокращения

1. *Абаев В. Н.* Осетинский язык и фольклор / В. Н. Абаев. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949 (1). — 608 с.
2. *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1970. — Ч. 1. — 363 с.
3. *Балдаев С. П.* Родословные легенды и предания бурят / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Издательство НоваПринт, 2019. — 720 с.
4. *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Том 1. — 384 с.
5. *Галзут Т.* История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / ввод. статья и примечания Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой ; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2008. — 188 с.
6. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1984. Т. 1—2. — 1328 с.
7. *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903—1907 гг. / Ц. Жамцарано. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2001. — 382 с. — ISBN 5-7925-0085-1.
8. *Ломбоцыренов Д.-Ж.* История селенгинских монгол-бурят / Д.-Ж. Ломбоцыренов // Бурятские летописи. — Улан-Удэ : БИОН, 1995. — С. 103—132.
9. *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации / И. А. Манжигеев. — Москва : Наука, 1978. — 125 с.
10. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории) / Э. А. Новгородова. — Москва : Наука, 1989. — 384 с. — ISBN 5-02-016664-2.
11. *Окладников А. П.* Олений камень с реки Иволги / А. П. Окладников // История и культура Бурятии. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1976. — С. 343—360.

12. *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука, 1974. — 168 с.
13. *Раевский Д. С.* Скифо-сарматская мифология / Д. С. Раевский // Мифы народов мира : энциклопедия. — Москва, 1992. — Т. 2. — С. 445—450.
14. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей / перевод с персидского А. А. Хетагурова редакция и примечания А. А. Семенова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — Том 1, Книга 1. — 221 с.
15. *Сидоров Е. С.* Якутские лексические схождения / Е. С. Сидоров. — Якутск : Издательство ЯГУ, 1997. — Выпуск 1. — 146 с.
16. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — Том 1. — 549 с.
17. *Цолоо Ж.* Термины традиционного летоисчисления у монголов / Ж. Цолоо // Этнокультурная лексика монгольских языков. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 1994. — С. 27—43.
18. *Черемисов К. М.* Бурят-монгольско-русский словарь / К. М. Черемисов. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951. — 852 с.
19. *Шерхунаев Р. А.* Певец земли бурятской. Очерки жизни и деятельности П. М. Тушемилова / Р. А. Шерхунаев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. — 215 с.
20. *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.) / Л. Эрдэнэболд. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2012. — 196 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев П. П.* Пазырыкские лебеди / П. П. Азбелев // Актуальные вопросы истории кыргызского народа : прошлое, настоящее и будущее // Сборник статей в честь 70-летия кыргызского историка и востоковеда Мокеева А. М. — Бишкек, 2019. — С. 277—284.
2. *Бонгард-Левин Г. М.* От Скифии до Индии. Древние арии : мифы и история / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. — 2-е изд., доп. и испр. — Москва : Мысль, 1983. — 206 с.
3. *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят : опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования / Н. Б. Дашиева. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Наука — Восточная литература, 2015. — 239 с. — ISBN 978-5-02-036586-5.
4. *Зориктуев Б. Р.* Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 393—423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423.
5. *Зориктуев Б. Р.* О малоизвестных аспектах этнической истории хори / Б. Р. Зориктуев // Проблемы социально-экономического развития Сибири : научный журнал. — Братск : БрГУ, 2018. — № 4 (34). — С. 127—132.
6. *Кнорозов Ю. В.* Этногонические легенды. Общий обзор / Ю. В. Кнорозов // Вопросы этнической семиотики. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — С. 206—215. — ISBN 5-02-027352-X.
7. *Михайлов Г. И.* Мифы в исторических сочинениях XIII—XIV вв. монгольских народов / Г. И. Михайлов // Фольклор и историческая этнография. — Москва : Наука, 1983. — С. 88—106.

8. Михайлов Т. М. О сайтинских божествах в шаманской религии бурят / Т. М. Михайлов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ : БФ СО РАН СССР, 1983. — С. 114—126.

9. Павлов Е. В. Семантика и истоки свастического символа *арбагай* в орнаментальной традиции бурят / Е. В. Павлов, С. В. Павлова // Этническая история и этническая культура. — Москва — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2009. — Выпуск 11. — С. 24—49.

10. Полосьмак Н. В. Алтайская леда : Удивительная находка российских археологов / Н. В. Полосьмак // Родина. — 1999. — № 4. — С. 34—41.

11. Потапов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебеда у хакасов) / Л. П. Потапов // Советская этнография. — 1959. — № 2. — С. 18—30.

12. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1962. — 265 с.

13. Скрынникова Т. Д. Символы солнца в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Сибири / Т. Д. Скрынникова // Этническая история и этническая культура. — Москва — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2009. — Выпуск 11. — С. 3—24. — ISBN 978-5-89610-168-0.

14. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц. Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2001. — 255 с.

MATERIAL RESOURCES

Abaev, V. N. (1949). *Ossetian language and folklore, I*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1970). *Genealogical legends and legends of the Buryats. Bulagaty i ekhirty, I*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 363 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (2019). *Genealogical legends and legends of the Buryats*. Ulan-Ude: NovaPrint Publishing House. 720 p. (In Russ.).

Bichurin, N. Ya. (Iakinf). (1950). *Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times, I*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 384 p. (In Russ.).

Cheremisov, K. M. (1951). *Buryat-Mongolian-Russian dictionary*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 852 p. (In Russ.).

Erdenebold, L. (2012). *Traditional beliefs of the Oirat-Mongols (late XIX — early XX century)*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 196 p. (In Russ.).

Galzut, T. (2008). *History of the origin of the Barguts (transliteration, translation, notes), 1—2*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 188 p. (In Russ.).

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture, 1—2*. Tbilisi: Tbilisi University Press. 1328 p. (In Russ.).

Khangalov, M. N. (1958). *Collected works, I*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 549 p. (In Russ.).

Lombotsyrenov, D-Zh. (1995). History of the Selenga Mongol-Buryats. In: *Buryat Chronicles*. Ulan-Ude: BION. 103—132. (In Russ.).

Manzhigeev, I. A. (1978). *Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms. Experience of atheistic interpretation*. Moscow: Nauka. 125 p. (In Russ.).

- Novgorodova, E. A. (1989). *Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)*. Moscow: Nauka. 384 p. ISBN 5-02-016664-2. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1974). *Petroglyphs of Baikal — monuments of ancient culture of the peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1976). Deer Rock from the Oriole River. In: *History and culture of Buryatia*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 343—360. (In Russ.).
- Raevsky, D. S. (1992). Scytho-Sarmatian mythology. In: *Myths of the peoples of the world: encyclopedia*, 2. Moscow. 445—450. (In Russ.).
- Rashid al-din. (1952). *Collection of chronicles, 1 (1)*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 221 p. (In Russ.).
- Sidorov, E. S. (1997). *Yakut lexical convergence, 1*. Yakutsk: YSU Publishing House. 146 p. (In Russ.).
- Sherkhunaev, R. A. (1973). *Singer of the Buryat land. Essays on the life and work of P. M. Tushemilov*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 215 p. (In Russ.).
- Tsoloo, Zh. (1994). Terms of the traditional chronology of the Mongols. In: *Ethnocultural vocabulary of the Mongolian languages*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 27—43. (In Russ.).
- Zhamtsarano, Ts. (2001). *Travel diaries of 1903—1907*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 382 p. ISBN 5-7925-0085-1. (In Russ.).

REFERENCES

- Azbelev, P. P. (2019). Paris swans. Actual issues of the history of the Kyrgyz people: past, present and future. In: *Collection of articles in honor of the 70 th anniversary of the Kyrgyz historian and Orientalist Mokeeva A. M.* Bishkek. 277—284. (In Russ.).
- Bongard-Levin, G. M., Grantovsky, E. A. (1983). *From Scythia to India. Ancient Arias: Myths and History*. Moscow: Mysl. 206 p. (In Russ.).
- Dashieva, N. B. (2015). *Calendar in the traditional culture of the Buryats: the experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research*. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura. 239 p. ISBN 978-5-02-036586-5. (In Russ.).
- Knorozov, Yu. V. (1999). Ethnogenic legends. General review. In: *Questions of ethnic semiotics*. Saint-Petersburg: Nauka. 206—215. ISBN 5-02-027352-X. (In Russ.).
- Mikhailov, G. I. (1983). Myths in historical works of the XIII—XIV centuries of the Mongolian people's. In: *Folklore and historical ethnography*. Moscow: Nauka. 88—106. (In Russ.).
- Mikhailov, T. M. (1983). About the Saitin deities in the shamanic religion of the Buryats. In: *Ethnic and historical-cultural relations of the Mongolian peoples*. Ulan-Ude: BF SB RAS USSR. 114—126. (In Russ.).
- Pavlov, E. V., Pavlova, S. V. (2009). Semantics and origins of the swastika symbol Arbagai in the ornamental tradition of the Buryats. In: *Ethnic history and ethnic culture, 11*. Moscow-Ulan-Ude: VSGAKI. 24—49. (In Russ.).
- Polosmak, N. V. (1999). Altai lady: An amazing find of Russian archaeologists. *Homeland*, 4: 34—41. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1959). From the history of the early forms of the family and religious ideas (the custom of giving a swan to the Khakas). *Soviet Ethnography*, 2: 18—30. (In Russ.).

- Rumyantsev, G. N. (1962). *The origin of the Khorinsky Buryats*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 265 p. (In Russ.).
- Skrynnikova, T. D. (2009). Symbols of the sun in the traditional culture of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. In: *Ethnic history and ethnic culture, 11*. Moscow — Ulan-Ude: VSGAKI. 3—24. ISBN 978-5-89610-168-0. (In Russ.).
- Tsydendambayev, Ts. B. (2001). *Buryat historical chronicles and genealogies. Historical and linguistic research*. Ulan-Ude: Republican printing house. 255 p. (In Russ.).
- Zoriktuev, B. R. (2018). On little-known aspects of the ethnic history of the Khori. *Problems of socio-economic development of Siberia: a scientific journal*, 4 (34): 127—132. (In Russ.).
- Zoriktuev, B. R. (2020). Nayan-Nava and the Ethnogenesis Problem of the Buryat Tribal Community of Khori. *Nauchnyi dialog*, 5: 393—423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423. (In Russ.).